

СЕВЕРОСИРИЙСКИЕ ТОРЕВТЫ В АРХАИЧЕСКИХ ГРЕЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ?

(По поводу литейных форм из Аль-Мины и Милета)

В 1930-х годах сэр Леонард Вулли исследовал район в устье р. Оронт на севере Сирии и раскопал поселение в Аль-Мине, давшее неожиданно большое количество находок греческой геометрической керамики. Отчеты о раскопках лишь в самом общем виде представляют находки за исключением керамики¹. Керамические материалы, как греческие, так и кипрские и сирийские, были впоследствии достаточно подробно исследованы². Гораздо меньше внимания было уделено некерамическим материалам из Аль-Мины³.

В. Реллиг заметил, что роль Аль-Мины, действительный характер которой неизвестен, если не считать определенных, таких как «греческий эмпорий», «греческий торговый центр», «греческий форпост», «центр греческой торговой деятельности», была сильно преувеличена⁴. Эта точка зрения отражает имеющуюся в современной науке тенденцию к пересмотру ранее предполагавшейся важной роли Аль-Мины в контактах Запада и Востока⁵. Пожалуй, наиболее яркое проявление эта точка зрения нашла в интерпретации А. Грейэма, согласно которой памятники материальной культуры и архитектура Аль-Мины ясно свидетельствуют о том, что это было левантийское поселение, вероятно, основанное финикийцами, а не греческий город. Автор предполагает, что Аль-Мина была одним из многих в Восточном Средиземноморье мест контактов греков с Востоком. «Следовательно, – приходит к заключению А. Грейэм, – необходимо признать, что мало что подтверждает интерпретацию Аль-Мины как уникальной ранней греческой колонии на Востоке и исключительно важного места контактов Греции и Востока»⁶. Дж. Бордман отмечал, что его попытки оценить вероятную роль Аль-Мины в «ориентализирующей революции» осложняется

¹ Wolley C.L. Excavations at Al Mina, Suedia. I–II // JHS. 1938. 58. P. 1–30, 133–170; *idem*. A Forgotten Kingdom. L., 1959. P. 172–188; см. об Аль-Мине с библиографией: Boardman J. The Greeks Overseas. L., 1980. P. 38–54; Riis P.J. Griechen in Phönizien // Phönizier im Westen. Die Beiträge des Internationalen Symposiums über «Die phönizische Expansion im westlichen Mittelmeerraum» in Köln vom 24. bis 27 April 1979 / Hrsg. von H.G. Niemeyer (Madrider Beiträge. Bd 8). Mainz, 1982. S. 240–255, особенно S. 244–251. Anm. 16; Graham A.J. The Historical Interpretation of Al Mina // DHA. 1986. 12. P. 51–65; Boardman J. Al Mina and History // OxfJA. 1990. 9(2). P. 169–190.

² См. Beazley J.D. Excavations at Al Mina, Suedia. III. The Red-figures Vases // JHS. 1939. 59. P. 1–44; Robertson C.M. Excavations at Al Mina, Suedia. IV. The Early Greek Vases // JHS. 1940. 60. P. 2–21; Smith S. The Greek Trade at Al Mina // Antiquaries Journal. 1942. 22. P. 87–112; Boardman J. Early Euboean Pottery and History // BSA. 1957. 52. P. 1–29; *idem*. Greek Potters at Al Mina? // AnatStud. 1959. 9. P. 163–169; du Plat Taylor J. The Cypriot and Syrian Pottery at Al Mina, Syria // Iraq. 1959. 21. P. 62–92; Coldstream J.N. Greek Geometric Pottery. L., 1968. P. 310–316; Riis P.J. Sukas. V. I. Copenhagen, 1970. P. 137 ff.; Gjerstad E. The Stratification at Al Mina (Syria) and its Chronological Evidence // ActaArch. 1974. 45. P. 107–123; Popham M., Hatcher H., Pollard A.M. Al Mina and Euboea // BSA. 1980. 75. P. 151–162; Popham M., Pollard A.M., Hatcher H. Euboean Exports to Al Mina, Cyprus, and Crete: a Reassessment // BSA. 1983. 78. P. 281–290.

³ См. например, находки печатей «Lyre Player Group»: Boardman J. The Lyre Player Group of Seals. An Encore // AA. 1990. Ht 1. P. 1–17. № 121. См. также Francis G.D., Vickers M. «Ivory Tusks» from Al Mina // OxfJA. 1983. 2. P. 249–251.

⁴ Röllig W. Asia Minor as a Bridge Between East and West: The Role of the Phoenicians and Arameans in the Transfer of Culture // Greece between East and West: 10th–8th Centuries B.C. Papers of the Meeting at the Institute of Fine Arts, New York University, March 15–16th, 1990 / Ed. G.Kopcke, I. Tokumaru. Mainz, 1992. P. 95.

⁵ См. также Niemeyer H.G. Die Phönizier und die Mittelmeerwelt im Zeitalter Homers // JahrbRGZM. 1984. Jg. 31. S. 27.

⁶ Graham. Op. cit. P. 51–65.

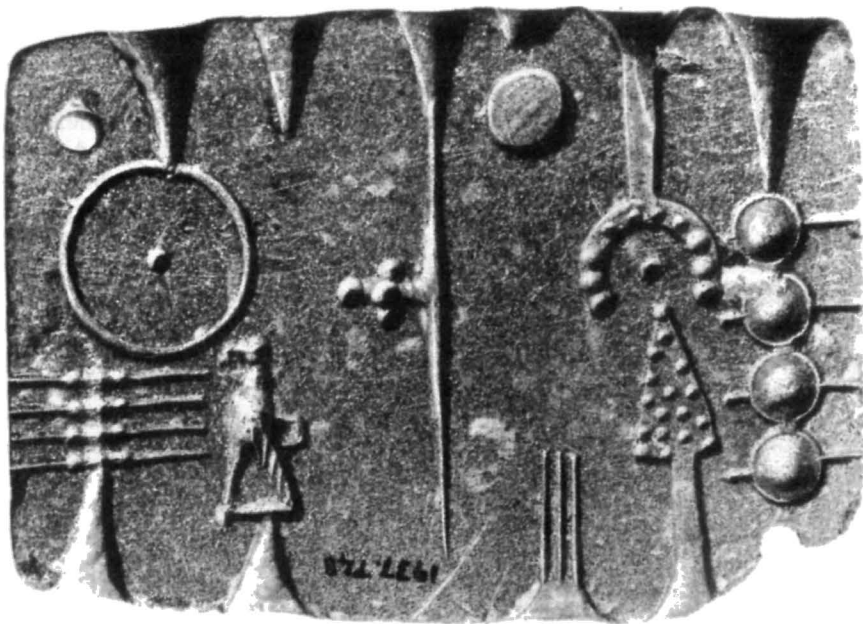

Рис. 1. Литейная форма из Аль-Мины. Музей Эшмолеан. Оксфорд. Инв. № 1937.748.
Фото Музея Эшмолеана

неполнотой изданных находок⁷. Таким образом, публикация литейной формы из раскопок Аль-Мины 1937 г.⁸ важна для атрибуции этнической принадлежности ремесленника, а в историческом контексте – для оценки роли греческого и местного населения в экономике раннего этапа жизни поселения.

В слое VIII раскопок Аль-Мины в 1937 г. был найден фрагмент сланцевой литейной формы (рис. 1), упомянутый в отчете о раскопках: «Мн. 359. Сланцевая форма для ювелирных украшений: колец и лунниц с шариками, серег, состоящих из четырех шариков, треугольных подвесок и т.д. Дл. 0,10 м»⁹.

Прежде всего необходимо проанализировать типы украшений, отливавшихся в рассматриваемой форме.

Серьги в виде колец с шариками, имитирующими короткие гроздьи шелковицы. Р. Хиггинс отмечает, что серьги этого типа (в основе своей финикийские?) были распространены на Крите в эпоху поздних дворцов, на Кипре, в Сирии и Палестине примерно с 1600 г. до н.э. и были известны в период «темных веков» на Кипре и в Финикии. Их изготавливали из золота, серебра и электра¹⁰. Каменная форма для от-

⁷ Boardman. *Al Mina and History*. P. 171.

⁸ Форма хранится в Музее Эшмола, Оксфорд, инв. № 1937.748. Автор благодарен М. Викерсу за фотографию и информацию о форме.

⁹ Wooley. *Excavations...* II. P. 169.

¹⁰ Higgins R. *Greek and Roman Jewellery*. 2nd. ed. L., 1980. P. 62, 86, Pl. 12 f.; Телль эль-Аййуль (Газа), середина II тыс. до н.э.: Bossert H. Th. *Altsyrien*. Tübingen, 1951. S. 342. № 1175; Maxwell-Hyslop K. R. *Western Asiatic Jewellery c. 3000–612 B.C.* L., – 1971. P. 116. Fig. 80; P. 122. Fig. 85. Pl. 77a, b; Musche B. *Vorderasiatischer Schmuck von den Anfängen bis zur Zeit der Achaemeniden* (ca. 10.000–330 v. Chr.). Leiden, 1992. S. 150 f. Тип 1.3. Taf. LII; Телль-Хуэра, Северо-Восточная Сирия, середина II тыс. до н.э.: Musche. *Op. cit.* S. 170. Taf. LVIII, 4; см. также Кипр: Becatti G. *Oreficerie antiche dalle minoiche alle barbariche*. Roma, 1955. Tav. LXXV, 290–291; BMCJ. № 470; Hoffmann H., Claer V. von. *Antiker Gold- und Silberschmuck*. Museum für Kunst und Gewerbe Hamburg. Mainz, 1968. № 60; Милет, ок. 1250–1100 гг. до н.э.: Griefenhagen A. *Schmuckarbeiten in Edelmetall*. Bd I. B., 1970. S. 27. Taf. 7, I.

ливки таких подвесок, вероятно, происходит с Крита¹¹. В XI–X вв. до н.э. подобные серьги бытовали в Палестине (Телль-Фара)¹². В геометрический и раннеархаический период этот тип серег был распространен на ближнем Востоке и в Средиземноморском бассейне. Такие серебряные серьги были найдены в погребениях VII в. до н.э. в Сицилии и Италии¹³. Находка из Сирии, датирующаяся периодом ок. VII в. до н.э., хранится в Музее искусств Род-Айленда¹⁴. Подобные серьги VII в. до н.э. происходят из Тамассоса на Кипре¹⁵. Аналогичные золотые серьги засвидетельствованы в могилах кипро-геометрического I и кипро-архаического II периодов¹⁶, а также в финикийском погребении в районе Танжера, которое датируется VII–VI вв. до н.э.¹⁷ Подобные подвески украшают ухо женской позднеегипетской скульптуры из Мараша¹⁸. Такого же типа украшения известны в Ашшуре, Вавилоне и Гезере¹⁹.

Близкая эволюция характерна и для серег с шариками, имитирующими длинную гроздь шелковицы. Оба варианта украшений встречены в погребении XVI в. до н.э. в Поресе у Гераклиона. Известны две каменные формы для литья серег, украшенных длинными гроздьями, происходящие из Мохлоса и Месары²⁰. Разнообразные серьги с тремя скоплениями шариков-гранул в форме длинной грозди шелковицы были найдены в погребении T5 (875–850 гг. до н.э.) некрополя Лефканди на Эвбее²¹. Дж.Колдстрим отмечает, что облик серег из Лефканди абсолютно восточный, однако «грануляция выполнена не очень профессионально, сами гранулы большие и неаккуратно соединены; это скорее указывает на работу местного начинающего мастера, взявшего за основу финикийскую модель, и в силу сложности техники изготовления, получившего наставления странствующего финикийского ремесленника»²². Такие серьги были известны на Кипре в геометрический и архаический периоды (некрополи Энкоми, Пафоса, Аमतонта)²³. Их более совершенный вариант представлен подвеской из раскопок Олимпии, датированной VI в. до н.э.²⁴, подвесками из Фессалии (погребение относится примерно к 560 г. до н.э.)²⁵, тремя золотыми серьгами из Ар-

¹¹ Higgins. Op. cit. Pl. 1e.

¹² Maxwell-Hyslop. Op. cit. P. 225. Pl. 200.

¹³ Higgins. Op. cit. P. 120; Pisano G. I gioielli fenici e punici in Italia. Roma, 1988. P. 71. Fig. 8.

¹⁴ Hackens T. Catalogue of the Classical Collection. Classical Jewelry. Providence, 1976. № 11.

¹⁵ Greifenhagen A. Goldschmuck aus dem Berliner Antiquarium: Verluste im Kunstgutlager Schloss Celle (1946–1947) // AA. 1961. S. 96. № 38. Abb. 34.

¹⁶ Gjerstad E. The Swedish Cyprus Expedition. V. IV. Pt. 2. The Cypro-Geometric, Cypro-Archaic and Cypro-Classical Periods. Stockholm, 1948. P. 163. Fig. 34. 10, 13–14; Laffineur R. L'Orfèvrerie // Amathonte. V. III. Testimonia. Pt. 3 (Études Chypriotes. T. VII. P., 1986. P. 85. № 557. Fig. 122; P. 90. Not. 44.

¹⁷ Ponsich M. Necropoles phéniciennes de la région de Tanger (Études et travaux d'archéologie Marocaine. T. III). Rabat, 1967. P. 21, 49. Not. 42. Pl. VI, 2.

¹⁸ Hemelrijk J.M. Some Ear Ornaments in Archaic Cypriot and East Greek Art // BABesch. 1963. 38. P. 28. Fig. 2; P. 33–34, 48. Fig. 41–42; Akurgal E. Orient und Okzident. Die Geburt der griechischen Kunst. Baden-Baden, 1966. S. 116f. Abb. 26–27; Bittel K. Die Hethither. Die Kunst Anatoliens vom Ende 3. bis Anfang des 1. Jahrtausends vor Christus. München, 1976. S. 278. Abb. 317; Musche. Op. cit. P. 230. Taf. LXXXVII, 1.

¹⁹ Wartke R.-B. Vorderasiatische Gussformen aus den Staatlichen Museen zu Berlin // FuB. 1980. Jg. 20/21. S. 252 f. Abb. 38e. Anm. 156–158.

²⁰ Higgins. Op. cit. P. 62; Sargnon O. Les bijoux préhelléniques. P., 1987. P. 363. Fig. 348.

²¹ Higgins. Op. cit. P. 106. Pl. 16c; Deppert-Lippitz B. Griechischer Goldschmuck. Mainz, 1985. S. 62. Abb. 28; Laffineur R. Der Zusammenhang von mykenischem und frühgriechischem in der Goldschmiedekunst // Forschungen zur Aegaeischen Vorgeschichte. Das Ende der mykenischen Welt. Akten des Intern. Kolloquium, 7. – 8. Juli 1984 in Köln. Köln, 1987. S. 75. Abb. 4.

²² Goldstream J.N. Greek and Phoenicians in the Aegean // Phönizier im Westen... S. 266. Taf. 26d.

²³ Murray A.S., Smith A.H., Walters H.B. Excavations in Cyprus (Bequest of Miss E.T. Turner to the British Museum). L., 1900 (repr. – Oxf., 1969). P. 43. Pl. VIII; Gjerstad. Op. cit. P. 163. Fig. 34, 12; Karageorghis V. Paleopaphos-Skales. An Iron Age Cemetery in Cyprus (Ausgrabungen in Alt-Paphos auf Cypern. Bd 3). Konstanz, 1983. S. 310. Taf. CLXXXIII, 10; Laffineur. L'Orfèvrerie. P. 85 f. № 559. Fig. 123; P. 90. Not. 45; Papageorgiou A. Chronique des fouilles et découvertes archéologiques à Chypre en 1989 // BCH. 1990. 114. P. 948 f. Fig. 34.

²⁴ Philipp H. Bronzeschmuck aus Olympia (OIForsch. Bd XIII). B., 1981. № 416. Taf. 7, 41.

²⁵ Sindos. Katalogos tēs. ektesēs. Athena, 1985. S. 264 f. Abb. 429.

госа, которые могут быть датированы не позднее третьей четверти VII в. до н.э.²⁶. В скульптуре из Мараша, в противоположность серьгам с «короткой гроздью шелковицы», серьги рассматриваемого типа изображаются только на мужских фигурах, давая тем самым основание для вывода, сделанного Б. Муше о том, что первый тип серег был женским, тогда как второй – мужским украшением²⁷.

Гранулы в форме как длинной, так и короткой грозди шелковицы украшают спиральное кольцо из коллекции фонда «Фетида», которое считается малоазийской работой второй половины VI в. до н.э.²⁸

Подвески в форме орла. Этот тип подвесок широко распространен среди финикийских ювелирных украшений VII–VI вв. до н.э.²⁹ Подобные золотые, серебряные и электронные подвески были найдены в Артемисионе в Эфесе³⁰. Аналогичная серебряная подвеска около середины VI в. до н.э., атрибутированная как лидийская, происходит из Сард³¹.

Подвески-лунницы с неорнаментированным полем известны в архаическом эфеском Артемисионе³². Кроме них, была найдена подвеска с семью группами concentрических кругов³³. Несколько других неорнаментированных находок происходят из Спарты³⁴, Токры³⁵, Линда³⁶, Камира³⁷, с Кипра (золотые и серебряные)³⁸. Последняя находка ассоциируется с культом кипрской Афродиты-Астарты³⁹. Чрезвычайно близка изображению на рассматриваемой форме из Аль-Мины золотая подвеска из погребения в Камире на Родосе, датированная ок. 700 г. до н.э.⁴⁰ Подобная орнаментация имеется также на золотой фабуле в форме лунницы из Ксанфа⁴¹, на электронной подвеске-луннице из храма Артемиды в Эфесе⁴². Дж. Бордман отмечает, что форма подвески-лунницы – финикийский тип орнамента, однако слишком хорошо известный в греческих землях, чтобы считать его свидетельством каких-либо прямых контактов с Финикией и Карфагеном⁴³. Такая форма подвесок получила распро-

²⁶ Amandry P. Collection Hélène Stathatos. Les bijoux antiques. Strasbourg, 1953. P. 29–33. № 42–44. Pl. X; Philipp. Op. cit. S. 121.

²⁷ Akurgal. Op. cit. S. 125. Abb. 29; Bittel. Op. cit. S. 276. Abb. 316; Musche. Op. cit. S. 230 f. Taf. LXXXVII, 6.

²⁸ Zimmerman J.L. Collection de la Fondation Thémis. Développements de l'art grec de la préhistoire à Rome. Genève, 1987. № 80.

²⁹ Becatti. Op. cit. Tav. XLI, 220–222; Culican W. Phoenician Jewellery in New York and Copenhagen // Berytus. 1973. 22. Pl. Id; Pisano G. Jewellery // The Phoenicians. Exhibition Catalogue / Ed. S. Moscati. Milan, 1988. P. 379, 384; Gesenhoff G. Untersuchungen zum griechischen Schmuck an Beispielen des 7. und 6. Jahrhunderts v. Chr. Egelsbach – Köln – Washington, 1994. S. 101 f. M 93.

³⁰ Hogarth D.G. Excavations at Ephesus. The Archaic Artemisia. L., 1908. Pl. IV, 36; VI, 62; XI, 2–9.

³¹ Waldbaum J.C. Metalwork from Sardis: The Finds through 1974. Cambr. Mass. – L., 1983. № 882. Pl. 50.

³² Hogarth. Op. cit. Pl. VII, 1–3.

³³ Ibid. Pl. VII, 6; ср. ее орнаментацию с украшением золотой дисковидной подвески из Камира (Clara Rhodos. 1932/33. V. VI–VII. P. 329. Fig. 75).

³⁴ Dawkins R.M. The Sanctuary of Artemis Orthia at Sparta. L., 1929. Pl. 203, 2.

³⁵ Boardman J., Hayes J. Excavations at Tocra 1963–1965. The Archaic Deposits. V. I. Oxf., 1966. P. 156 f. Fig. 71, 3. Pl. 104, 3.

³⁶ Blinkenberg Chr. Lindos. Fouilles de l'acropole 1902–1914. V. I. Les petits objets. B., 1931. P. 106. № 241. Pl. XI.

³⁷ Clara Rhodos. 1932/33. V. VI–VII. P. 352. № 57; P. 336. Fig. 82.

³⁸ Gjerstad. Op. cit. P. 157. Fig. 31, 43; P. 165. Fig. 35, 21; Hermery A., Petit T., Schmid M. Rapport sur les travaux de l'école française à Amathonte de Chypre en 1987 // BCH. 1988. 112. P. 865. Fig. 22.

³⁹ Hermery et al. Op. cit. P. 867.

⁴⁰ Greifenhagen. Schmuckarbeiten in Edelmetall. S. 27. Taf. 27, 5; Antikenmuseum Berlin. Die ausgestellten Werke. B., 1988. S. 300 f. № 1. Gesenhoff. Op. cit. S. 112 f. № 155.

⁴¹ Metzger H. Fouilles de Xantos. T. II. L'acropole lycienne. P., 1963. P. 68 f. № 866a. Pl. 53, 4; Caner E. Fibeln in Anatolien. I (Pbf. Abt. XIV. Bd 8). München, 1983. S. 204 f. Abb. 4b.

⁴² Hogarth. Op. cit. P. 106. Pl. 7, 1–3, 6; Caner. Op. cit. S. 204f. Abb. 4c.

⁴³ Boardman, Hayes. Op. cit. P. 156.

странение на Ближнем Востоке начиная с II тыс. до н.э.⁴⁴ и особенно популярна была здесь – в различных вариантах – во второй половине этого тысячелетия⁴⁵. Такая неорнаментированная золотая подвеска была обнаружена в относящемся к XIII в. до н.э. верхнем погребении гробницы 9 в Китионе, материалы которого свидетельствуют об интенсивных контактах жителей Китиона с Ближним Востоком⁴⁶. В первой половине I тыс. до н.э. подвески-лунницы были менее распространены, однако, например, на ассирийских рельефах цари изображены с такими подвесками⁴⁷. Позднее они получили более широкое распространение в Греции⁴⁸. Некоторые из подвесок конца V – начала IV в. до н.э., найденные в Олинфе, украшены изображениями точек и кружков⁴⁹. Однако эта форма не имеет прототипов в греческой материальной культуре микенской и геометрической эпох⁵⁰. Отметим тот факт, что в упомянутой выше могиле из Камира вместе с подвеской-лунницей были найдены две дисковидные подвески конца VIII в. до н.э., которые часто рассматриваются в литературе и считаются образцами либо восточного происхождения, либо навеянными финикийскими прототипами⁵¹.

Орнаментация, подобная использованной на подвесках-лунницах и треугольных подвесках на форме из Аль-Мины (ряды рельефных точек), встречается, например, на дисковидных подвесках из Линда⁵², на золотых штампованных конских налобниках с Кипра⁵³. Фрагмент бронзового листа с аналогичной орнаментацией был найден при раскопках Герайона в Аргосе⁵⁴. Этот тип орнаментации восходит своими корнями в эпоху поздней бронзы. Известны круглые подвески орнаментированные рельефными точками, происходящие из слоев второй половины II тыс. до н.э. ближневосточных памятников: Библа, Мари, Суз, Богазкёя. Эта традиция была продолжена в первой трети I тыс. н.э. (Сиалк, Дайламан)⁵⁵.

Сама форма треугольной подвески на литейной форме из Аль-Мины также восходит к ближневосточному прототипу позднебронзового века. Древнейшие подвески этого типа, относящиеся к XV–XIV вв. до н.э., происходящие из Угарита, Библа и Мегиддо, схематически повторяют контуры женского тела или украшены изображением женского лица, тогда как подвески из Алишара, найденные в слое XV–XII вв. до н.э., имеют близкую к треугольной форму и также украшены аналогичными точками в рельефе⁵⁶. Семь точек на подвеске из Алишара интерпретируются как семь грудей и,

⁴⁴ Bossert. Op. cit. S. 342. № 1175–1176; Hoffmann, Claer. Op. cit. № 47 с библиографией.

⁴⁵ См. типологию: Boehmer R.M. Die Kleinfunde von Boğazköy aus den Grabungskampagnen 1931–1939 und 1952–1969 (Boğazköy-Hattuša, Bd VII). B., 1972. S. 30–34. Abb. 19; Robinson D.M. Excavations at Olynthus. Pt. X. Metal and Minor Miscellaneous Finds. Baltimore, 1941. P. 125 f.; Laffineur R. Les disques-pendentifs rhodiens en or ge la fin de l'époque géométrique // AA. 1975. Ht 3. S. 311; Boehmer R.M. Die Kleinfunde aus der Unterstadt von Boğazköy. Grabungskampagnen 1970–1978 (Boğazköy-Hattuša, Bd X). B., 1979. S. 1–2. Taf. 1; Musche. Op. cit. S. 155. Taf. LIV, 3.

⁴⁶ Karageorghis V. Excavation at Kition. V. I. The Tombs. Nicosia, 1974. P. 74, 94. № 201. Pl. XCI.

⁴⁷ Boehmer. Die Kleinfunde von Boğazköy... S. 34; см. такую подвеску из Зинджирли: Luschan F. von. Die Kleinfunde von Sendschirli. Ausgrabungen in Sendschirli. Bd. V. B., 1943. S. 98. Taf. 44, 1.

⁴⁸ Robinson. Op. cit. P. 126 f. Pl. XXV. № 426–431.

⁴⁹ Ibid. № 426–427.

⁵⁰ см. Kilian-Dirlmeier I. Anhänger in Griechenland von der mykenischen bis zur spätgeometrischen Zeit. München, 1979 (Pbf. Abt. XI. Bd 2).

⁵¹ Greifenhagen. Schmuckarbeiten in Edelmetall. S. 27. Taf. 7, 6–7; Hase F.W. von. Zur Problematik der frühesten Goldfunde in Mittelitalien // HambBeitrA. 1975. Bd 5.1. S. 124; Laffineur. Les disques-pendentifs rhodiens en or... P. 305–306. Fig. 1–2; P. 311; Deppert-Lippitz. Op. cit. S. 69 f. Abb. 31; Die Phönizier im Zeitalter Homers / Hrsg. von U. Gehrig und H.G. Niemeyer. Kesther-Museum, Hannover–Mainz, 1990. S. 101. Abb. 79; № 91–91.

⁵² Blinkenberg. Op. cit. S. 107. № 242–243. Taf. XI.

⁵³ Gjerstad. Op. cit. P. 167. Fig. 36. 1; Китион, XIII в. до н.э.: Karageorghis. Excavations at Kition. P. 79. № 297. Pl. XCI.

⁵⁴ Waldstein C. The Argive Heraeum. V. II. Boston–New York, 1905. Pl. CVIII, 1839.

⁵⁵ Boehmer. Die Kleinfunde von Boğazköy... S. 22 f. Abb. 11.

⁵⁶ Bossert. Op. cit. S. 342. № 1176; Boehmer. Die Kleinfunde von Boğazköy... S. 27f. Abb. 14 f–g; Musche. Op. cit. S. 155. Taf. LIV, 5; см. также подвеску из Зинджирли: Luschan von Op. cit. S. 99. Taf. 46i, 47c; Musche. Op. cit. S. 228f. Taf. LXXXVI.

таким образом, ассоциируются с более поздними образами Артемиды Эфесской. Вместе с тем сами эти амулеты и амулеты других форм со сходной орнаментацией рассматриваются Р. Бемером в целом как амулеты плодородия (*Fruchtbarkeitamulets*)⁵⁷. Подобны рассматриваемым выше и декоративные бронзовые подвески, также украшенные штампованными точками, обнаруженные в кносских гробницах позднеминойского II–III периодов (хотя их очертания напоминают топоры)⁵⁸. Подобный же образец был найден в микенском погребении в Кефалении с бусами анатолийского типа⁵⁹. Три аналогичных западнофиникийских украшения со штампованным орнаментом происходят из Норы⁶⁰.

Среди прочих украшений в публикуемой форме из Аль-Мины отливались кольца. Стеатитовая форма для отливки подобных предметов происходит из Трои VIIA⁶¹.

Круглые умбоновидные бляшки, отливавшиеся в форме, находят параллели среди ювелирных украшений VIII–VII вв. до н.э. из Зивие в Северо-Западном Иране⁶².

Широкий хронологический спектр параллелей отдельным мотивам, представленным на литейной форме из Аль-Мины, затрудняет точную датировку этой формы, которая может быть отнесена ко времени от VIII до VI в. до н.э. Ближайшая аналогия – подвеска-лунница из некрополя Камира, найденная в погребении, датируемым ок. 700 г. до н.э.⁶³, – дает основание предполагать наиболее вероятным временем создания рассматриваемой формы вторую половину VIII – начало VII в. до н.э.

Литейная форма из Аль-Мины может быть типологически отнесена к группе геометрических и архаических форм и матриц, которые использовались для изготовления ювелирных украшений: подвесок, фибул, булавок и т.д. Подобные формы были найдены на Эгине, в Киррхе Фокийской, Перахоре, Архадах, Вергине, Камире и Милете⁶⁴. Я попытаюсь определить место формы из Аль-Мины в указанной группе литейных форм. Большинство параллелей дает основание считать, что форма из Аль-Мины могла быть использована скорее для изготовления предметов из золота и серебра, нежели из бронзы. С этой точки зрения, она находит аналогию в створке формы, вероятнее всего, найденной в Милете и находящейся в частном собрании в Мюнстере⁶⁵, и другой створке той же формы, найденной в Милете в 1907 г. – из музеев Берлина⁶⁶. Однако значительно более близкие параллели представляют ближневосточные литейные формы⁶⁷. Так, на форме из серо-зеленого серпентина (рис. 2–3), происходящей из Зинджирли или окрестностей, имеются углубления для отливки серег с «короткими гроздьями шелковицы», подвесок в форме орлов и треугольных подвесок с рельефными точками, подобные мотивам на форме из Аль-Мины⁶⁸. Кроме того, серьги с «короткими гроздьями шелковицы» несколько иного

⁵⁷ Boehmer. Die Kleinfunde von Bogazköy... S. 28.

⁵⁸ Boardman J. The Cretan Collection in Oxford. The Dictaen Cave and Iron Age Crete. Oxf., 1961. P. 45–46. Fig. 20. № 212, 215. Pl. 15.

⁵⁹ Culican W. West Phoenician Luxury Items: Some Critical Notes // HambBeitA. 1985. Bd 12. P. 132.

⁶⁰ Ibid. P. 132. Taf. 11c.

⁶¹ Macqueen J.G. The Hittites and their Contemporaries in Asia Minor. L., 1975. P. 81. Pl. 17.

⁶² Maxwell-Hyslop. Op. cit. P. 212. Pl. 179.

⁶³ Имеются различные точки зрения относительно датировки дисковидных подвесок, которые сопровождали подвеску-лунницу: VIII в. до н.э., ок. 700 г. до н.э., первая половина VII в. до н.э. Р. Лаффинер на основании тщательного анализа памятников пришел к выводу, что эти подвески должны датироваться в рамках второй половины VIII в. до н.э. (*Les disques-pendentifs rhodiens en or...* P. 308–310).

⁶⁴ См. Reinholdt C. Arbeitszeugnisse geometrischer und archaischer Schmuckwerkstätten // AA. 1992. S. 215–231.

⁶⁵ Tolle R. Eine archaische Gussform // AuA. 1966. Bd 12.1. S. 91–94; Reinholdt. Op. cit. S. 225–227. Abb. 13a; idem. Untersuchungen zur bronze- und früheisenzeitlichen Metallurgie in Griechenland, Cypern und Troia (PbF. Abt. XIX. Bd 2). München (в печати).

⁶⁶ Krisieleit I. Antike Guss- und Triebformen // FuB. 1980. Bd 20/21. S. 196. Abb. 6; Reinholdt. Op. cit. S. 225 ff. Abb. 13b.

⁶⁷ См. Wartke. Op. cit. S. 223–258.

⁶⁸ Luschan von. Op. cit. S. 24. Abb. 16b; Wartke. Op. cit. S. 238. N 24. Abb. 26; S. 250.

Рис. 2–3. Литейная форма из Зинджирли или окрестностей. Переднеазиатский Музей, Государственные музеи Берлина – Прусское культурное наследство. Инв. № S 5914. Фото Музея

облика отливались в формах из раскопок Занны⁶⁹ и Рас-Шамры⁷⁰. Наиболее яркой параллелью является полностью сохранившаяся створка литейной формы из серо-зеленого серпентина (рис. 4), найденная при раскопках Нижнего дворца в Хилани III (Зинджирли), которая датируется по контексту находки серединой VIII – началом VII в. до н.э. На данной створке имеются углубления для отливки подвесок в виде фигурок орлов, серег с короткими и длинными гроздьями шелковицы, круглых бляшек, колец и неорнаментированных подвесок-лунниц, а также двух игл⁷¹.

* * *

Еще до основания Аль-Мины финикийские торговцы были весьма активны в Эгейском бассейне⁷². Восточные товары поставлялись в Лефканди на Эвбее еще в IX в. до н.э. Завозилось и определенное количество золота, как в виде готовых изделий, так и необработанного металла, предназначенного для использования местными мастерами, подражавшими работам странствующих финикийских ювелиров⁷³. Свидетельства указывают на Кос, Родос, Крит и, вероятно, Эфес как места проживания финикийских ремесленников⁷⁴. Позднегеометрические ювелирные украшения, найденные в Греции, все еще сохраняют сильное финикийское влияние, настолько заметное, что можно говорить о присутствии восточносредиземноморских ювелиров, особенно в Аттике и на Крите⁷⁵. В так называемой «гробнице богатой афинской дамы», датируемой временем ок. 850 г. до н.э., раскопанной на северо-западном склоне Ареопага, была найдена пара золотых серег местного облика, однако выполненных с

⁶⁹ Wartke. Op. cit. S. 241. N 30. Abb. 32.

⁷⁰ Courtois J.-C. Fouille d'une maison privée sur le bord septentrional du Tell, à l'est du chantier de 1937 // Contenson H. de, Courtois J.-C., Lagarde E. et al. La XXXIIIe campagne de fouilles à Ras Shamra en 1972. Rapport préliminaire // Syria. 1973. 50. P. 292–293. Fig. 4.

⁷¹ Luschon von. Op. cit. S. 23. 146. Taf. 8a; Wartke. Op. cit. S. 235 f. N 19. Abb. 21.

⁷² Goldstream. Greek and Phoenicians... P. 265; Falsone G. Phoenicia as a Bronzeworking Centre in the Iron Age // Bronzeworking Centres of Western Asia c. 1000–539 B.C. L., 1988. P. 239f.; Culican W. Phoenicia and Phoenician Colonization // CAH. V. III. Pt. 2. 1991. P. 478 f. Ström I. Evidence from the Sanctuaries // Greece between East and West... P. 46–60; Bikai P.M. Cyprus and Phoenicia: Literary Evidence for the Early Iron Age // Studies in honour of Vassos Karageorghis. Nicosia, 1992. P. 241–248; Aubet M.-E. The Phoenicians and the West. Politics, Colonies and Trade. Cambr., 1993. P. 102 ff. Археологические свидетельства деятельности финикийцев на Кипре в IX в. до н.э. и более поздний период разнообразны: Karageorghis V. Kition: Mucenean and Phoenician Discoveries in Cyprus. L., 1976; Gjerstad E. The Phoenician Colonization and Expansion in Gyprus // RDAC. 1979. P. 230–254; Michaelidou-Nicolaou I. Repercussions of the Phoenician Presence in Cyprus // Studia Phoenicia. V. V: Phoenician and the Eastern Mediterranean in the First Millenium B.C. / Ed. E. Lipinski, Leuven. 1987 (Orientalia Lovaniensia Analecta. V. 22). P. 31–38; Bisi A.M. Ateliers pheniciens dans le monde égéen // Ibid. P. 225–237.

⁷³ Goldstream. Greeks and Phoenicians... P. 266.

⁷⁴ Ibid. P. 268 f.; Kopcke. Op. cit. P. 108. Not. 24 с библиографией; Goldstream J.N. Mixed Marriages at the Frontiers of the Early Greek World // OxfJA. 1993. V. 12.1. P. 99; Bammer A. Spuren der Phöniker im Artemision von Ephesos // AnatSt. 1985. V. 35. S. 103–108.

⁷⁵ Goldstream. Greeks and Phoenicians... P. 266.

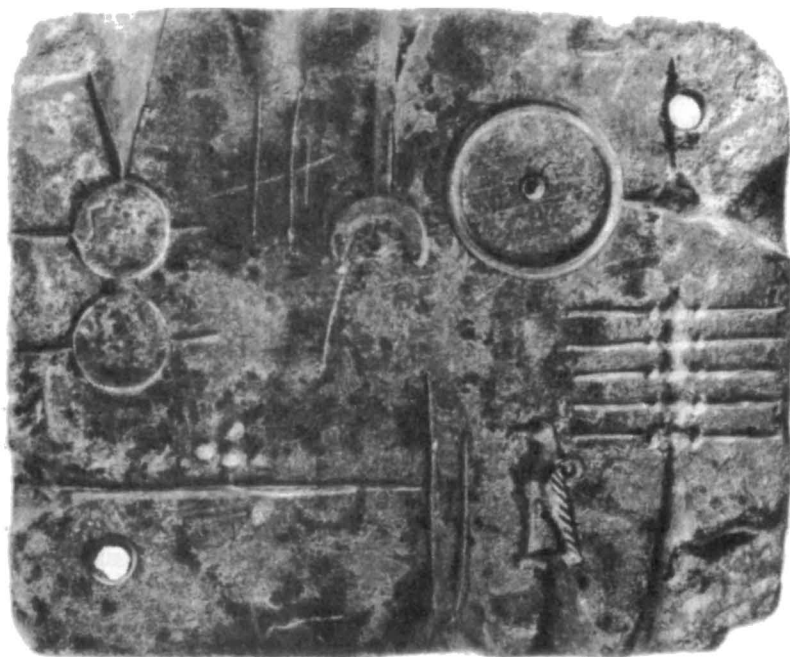

Рис. 4. Литейная форма из Зинджирли. Переднеазиатский Музей, Государственные музеи Берлина. Инв. № S 2551. Фото Музея

использованием сиро-финикийской техники филигрانی и грануляции, что указывает на работу ближневосточного мастера⁷⁶. Г. Копке предполагает, что первоклассные финикийские мастера попадали в Грецию по приглашению греческих партнеров, однако, даже если рассматриваемые серьги были выполнены для греков на Востоке, они являются свидетельством очень тесных взаимных контактов⁷⁷. Дж. Колдстрим предположил, что финикийский ювелир, захороненный в гробнице середины IX в. до н.э. в Текке на Крите⁷⁸, находился в определенных родственных отношениях с местной аристократией, тогда как его «ученики и подмастерья» на самом деле являлись его же детьми и внуками от смешанного брака, которым он передал секреты техники грануляции, филигрانی, инкрустации, однако последние приспособили финикийский стиль и иконографию к местным вкусам⁷⁹. Следует также иметь в виду и точку зрения Дж. Бордмана, что восточные мастера, прожившие на Крите, Эвбее и в Аттике, работали в стиле, который свидетельствует скорее об их северосирийском, нежели финикийском происхождении⁸⁰. Среди ранних находок из Аль-Мины есть предметы, которые могут быть определены как кипрские, тогда как другие, вероятно, как финикийские. В. Каликен, основываясь на находках финикийской краснолощеной (Phoenician Red Slip) керамики⁸¹, предполагал, что Аль-Мина была финикийским поселением. Большинство коротких граффити на фрагментах греческой керамики

⁷⁶ Higgins. Op. cit. P. 97; Deppert-Lippitz. Op. cit. S. 58 f.; Markoe G. Phoenician Bronze and Silver Bowls from Cyprus and the Mediterranean. Berkeley, 1985 (University of California, Classical Studies. V. 26). P. 118. Not. 146; Ström. Op. cit. P. 47.

⁷⁷ Kopcke G. What Role for Phoenicians? // Greece between East and West... P. 106.

⁷⁸ См. Boardman J. The Khaniate Tekke Tombs. II // BSA. 1967. V. 62. P. 57–75; Higgins. Op. cit. P. 107 f.; Deppert-Lippitz. Op. cit. S. 66–68.

⁷⁹ Goldstream. Mixed Marriages... P. 99 f.

⁸⁰ Boardman. Al Mina and History. P. 179.

⁸¹ Phönizier im Westen..., дискуссия. P. 79. См. также Ridgway. Op. cit. P. 24.

также финикийские⁸². Эта точка зрения была поддержана А. Грейзмом⁸³. Однако Дж. Бордман отмечал, что в Аль-Мине было найдено определенное количество северосирийских изделий, в частности печатей «группы игрока на лире» (Lyre Player Group), датируемых ок. 740–720 гг. до н.э.⁸⁴ Архитектура ранних слоев Аль-Мины в целом не отличается от других прибрежных памятников. В общем Дж. Бордман определяет характер населения Аль-Мины и культуру памятника как северосирийские⁸⁵. В ряде случаев затруднительно дифференцировать финикийские и северосирийские материалы, кроме того Северная Сирия входила в сферу интересов Финикии⁸⁶. Дж. Бордман, картографируя несомненно финикийские и северосирийские материалы, найденные в Средиземноморском бассейне, получил картину, свидетельствующую о различных моделях распределения находок. «Концентрация на Эвбее материалов, относящихся к периоду до основания Аль-Мины, ограниченное распределение северосирийских материалов в Греции (и Этрурии) в период процветания Аль-Мины, скорее всего свидетельствуют в пользу того, что их распределение осуществлялось греками, а не жителями Ближнего Востока»⁸⁷. А. Грейзм отмечал, что греческая расписная керамика была предметом торговли и распространялась не только греками, но и множеством других народов, характеризуя не этнический состав поселений, а торговые контакты⁸⁸. Тем не менее, количество греческой керамики в Аль-Мине, составляющей ок. 50% всех керамических материалов, значительно превосходит соотношение аналогичных находок из других левантских прибрежных памятников, будучи серьезным аргументом в пользу греческого присутствия, хотя, как отмечает Дж. Бордман, не является доказательством существования колонии или полиса. Предполагается, что греческое присутствие в Аль-Мине могло быть ограничено шестимесячным периодом навигации, что более вероятно, чем случайные посещения⁸⁹. В результате основания торговой стоянки в Аль-Мине «приток северосирийского материала в греческие земли привел к трансформации культуры Греции и части Италии. Более того, к тому времени на территории Греции работало некоторое количество восточных ремесленников, вероятно, они могли быть не обязательно финикийцами, а происходить из более северных регионов»⁹⁰.

Форма из Аль-Мины позволяет предполагать, что довольно скоро после основания поселения (существуют различные точки зрения по поводу абсолютной даты основа-

⁸² Bron F., Lemaire A. Inscriptions d'Al-Mina // Atti del I Congresso Internazionale di Studi Fenici e Punici. Rome, 1983. P. 677–686.

⁸³ Graham. Op. cit. P. 57 f.

⁸⁴ Boardman. The Lyre Player Group...; *idem*. Al Mina and History. P. 176.

⁸⁵ *Idem*. Al Mina and History. P. 176.

⁸⁶ Kestemont G. Le commerce phénicien et l'expansion assyrienne du IXe–VIIIe s. // Oriens Antiquus. 1972. 11. P. 137–144; Graham. Op. cit. P. 58.

⁸⁷ Boardman. Al Mina and History. P. 179–182. О северосирийском происхождении некоторых типов бронзовых котлов и их распределении см. Herrmann H.-V. Kesselschmuck, Nachträge // AM. 1984. 99. S. 28; Muscarella O.W. Greek and Oriental Cauldron Attachments: a Review // Greece between East and West... P. 16–45; Ström. Op. cit. P. 46 ff.; *eadem*. Obeloi of Pre- or Proto-Monetary Value in the Greek Sanctuaries // Economics of Cult in the Ancient Greek World. Proceedings of the Uppsala Symposium 1990 / Ed. T. Linders. B. Alroth (Boreas. V. 21). Uppsala, 1992. P. 50.

⁸⁸ Graham. Op. cit. P. 56. Такая же точка зрения была недавно выражена Д. Джиллом: Gill D.W.J. Pots and Trade: Spacefillers or Objets d'art // JHS. 1991. 111. P. 41.

⁸⁹ Boardman. Al Mina and History. P. 183. Анализируя левантские прибрежные поселения архаического периода, А.Ю. Согомонов пришел к выводу, что в этих портовых городах в тесном контакте находились три этнокультурных элемента: греческий, кипрский и финикийский. Все греческие поселения Леванта сохраняли свой специальный статус, за исключением Аль-Мины, которая, вероятно с VI в. до н.э. была заселена только греками. Несмотря на ярко выраженный урбанистический характер греческих апоекий, нельзя отрицать, что эти поселения имели особый экономический и политический статус, как и то, что некоторые из них могли эволюционировать в полис. См. Согомонов А.Ю. Греческая колонизация Леванта: этнические и социокультурные контакты эпохи архаики // ВДИ. 1985. № 1. С. 8–25.

⁹⁰ Boardman. Al Mina and History. P. 186; см. также Winter I.J. North Syria as a Bronzeworking Centre in the Early First Millenium B.C. Luxury Commodities at Home and Abroad // Bronzeworking Centres of Western Asia... P. 210 f.

ния Аль-Мины)⁹¹, т.е. примерно во второй половине VIII – начале VII в. до н.э. здесь работал северосирийский ювелир, скорее всего выходец из Сам'аля (Зинджирли) в Северной Сирии. Напомним, что в ранних слоях Аль-Мины было найдено значительное количество местной северосирийской керамики и бронзовых фибул⁹². Изображения на литейной форме из Аль-Мины, как было отмечено выше, имеют множество финикийских параллелей. Этот факт находит вероятное объяснение в финикийском влиянии в Зинджирли⁹³. Если обратиться к анализу литейных форм из ранних слоев греческих колоний, лучше известных по находкам из северопонтийского региона второй половины VI в. до н.э., близость мотивов, представленных на формах, и техники изготовления форм свидетельствует в пользу тезиса о том, что среди первопоселенцев были греческие бронзолитейщики и торевцы. Мне не известны литейные формы из ранних слоев греческих колоний Северного Причерноморья, которые можно было бы считать инструментами ремесленников, выходцев из местной среды⁹⁴. Таким образом, есть основание предполагать, что характер мотивов, представленных на литейных формах, является существенным признаком этнической атрибуции ремесленников.

В целом находки ювелирных украшений VIII в. до н.э. в Греции чрезвычайно редки: они известны в Аттике, Коринфе, Перахоре, Эретрии, на Крите и Родосе⁹⁵. Существует определенный хронологический разрыв между ювелирными изделиями из Лефканди на Эвбее (некрополь Лефканди прекратил существование ок. 825 г. до н.э.) и украшениями VIII в. до н.э. из Эретрии⁹⁶. Во второй половине VIII в. до н.э. ювелиры работали на Эвбее. В 1980 г. в Эретрии, к северу от храма Аполлона Дафнефора, был найден расписной геометрический скифос, датируемый последними десятилетиями VIII в. до н.э., содержащий большое количество золотых и электровых слитков различной формы и веса, обрывки проволоки и обломки изделий общим весом 510 г⁹⁷. Некрополь Эретрии второй половины VIII в. до н.э. дал находки серии штампованных диадем, чрезвычайно напоминающих современные им аттические, однако с характерным выступающим язычком, так называемые «Zungendiademe», которые, по мнению Д. Оли, являются изделиями местной эретрийской мастерской⁹⁸. Кроме того, в могиле 14 некрополя у Западных ворот в Эретрии была найдена диадема, датируемая ок. 700–680 гг. до н.э., орнаментированная в финикийском стиле, предположительно выполненная по привозной кипрской матрице. К. Берар отмечает,

⁹¹ Так, К. Вулли датировал древнейшие слои X–IX 750–700 гг. до н.э. (Excavations... I. P. 16 ff.); Дж. Бордман относил древнейшие слои к 850–800 гг. до н.э. (Boardman J. Tarsus, Al Mina and Greek Chronology // JHS. 1965. 85. P. 12; *idem*. The Greeks Overseas. P. 43 f.); Е. Гьерстад – 750–690 гг. до н.э. (Op. cit. P. 121 f.); Д. Риджвей считал датой основания поселения период ок. 825 г. до н.э. (Ridgway D. The First Western Greeks. Oxf., 1992. P. 24), как это ранее предполагала и Ж. дю Плат Тейлор (Op. cit. P. 62 ff.); Р. Кирсли относил слои X–VIII примерно к 800–700 гг. до н.э. (Kearsley R. The Pendant Semi-Circle Skyphos // Institute of Classical Studies Bulletin, Suppl. 44. L., 1989. P. 145, 175. Not. 36).

⁹² Woolley. Excavations... II. P. 138. Fig. 17; Plat Taylor du. Op. cit. P. 85–88. Fig. 8.

⁹³ См. Winter I. J. On the Problems of Karatepe // AnatSt. 1979. 29. P. 115–151; Hrouda B. Vorderasien. Bd I. Mesopotamien, Babylonien, Iran und Anatolien. München, 1971. S. 266; Graham. Op. cit. P. 58.

⁹⁴ См. Treister M. Yu. Metalworking of Pantikapaion, Kingdom of Bosphorus Capital // Bulletin of the Metals Museum. 1987. 12. P. 38–58; Трейстер М. Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора VI–V вв. до н.э. // Eirene. 1988. XXV. С. 45–67.

⁹⁵ Higgins. Op. cit. P. 94–120; Deppert-Lippitz. Op. cit. S. 54–65.

⁹⁶ См. Higgins. Op. cit. P. 104; Themelis P. G. An 8th Century Goldsmith's Workshop at Eretria // The Greek Renaissance of the Eighth Century B.C.: Tradition and Innovation. Proceedings of the Second Intern. Symposium at the Swedish Institute in Athens. 1–5 June 1981 / Ed. R. Hägg. Stockholm. 1983. P. 165.

⁹⁷ Themelis... Op. cit. P. 157–165. Д. Риджвей связывает клад с изготовлением даров, предназначенных для обмена между представителями аристократии (op. cit., p. 19). Кроме того, имеется датируемое второй половиной VIII в. до н.э. свидетельство бронзолитейного дела. Помещение, открытое к востоку от храма Аполлона, было интерпретировано авторами раскопок как бронзолитейная мастерская. См. Altherr-Charon A. Chantier du temple d'Apollon // Krause C. Eretria. Grabungen 1979–80 // AntK. 1981. Jg. 24. P. 70–87; ср. Risherg C. Metal-Working in Greek Sanctuaries // Economics of Cult... P. 37–39.

⁹⁸ Only D. Griechische Goldbleche des 8. Jahrhunderts. v. Chr. B., 1953. S. 46–52, E 1, 2, 4, 5; Higgins. Op. cit. P. 104 f.

что нет ничего удивительного в предполагаемом происхождении диадемы, учитывая характер торговых связей Эретрии с Кипром и Аль-Миной⁹⁹. Еще одна, свернутая в трубочку, диадема была найдена в упомянутом выше кладе ювелирных изделий и полуфабрикатов из Эретрии¹⁰⁰. Наконец, А. Андреймену указывает на находку гладкой диадемы эретрийского типа первой половины VIII в. до н.э., которая по его мнению, относится к изделиям местной мастерской до периода восточных влияний¹⁰¹. Таким образом, в случае основания колонии, метрополия была в состоянии послать ремесленников-металлистов. Естественно, взятая в отдельности находка литейной формы в Аль-Мине вряд ли может служить основанием для далеко идущих выводов, однако в контексте прочих северосирийских материалов из Аль-Мины, с одной стороны, и ввиду ее отличия от литейных форм греческого характера из ранних слоев греческих колоний, с другой, можно предположить следующее: 1) греческое и сирийское население со-существовали в Аль-Мине, вероятно, греки были представлены в основном торговцами, тогда как инфраструктура поселения была местной, местными были и работавшие здесь ремесленники (ср. с картиной, реконструируемой Д. Риджвеем: «Практически со времени основания поселения здесь проживали несколько торговцев с Эвбеи и Киклад. Вряд ли есть основания полагать, что это была большая группа (конечно, это не была колония); она сосуществовала главным образом с негреческим населением»¹⁰²); 2) с этой точки зрения раннее поселение в Аль-Мине нельзя считать колонией (ср. высказывание А. Грейэма: «В Аль-Мине или Телль-Сукасе нет ничего, указывающего на то, что это были греческие колонии. В Аль-Мине раннего периода нет греческих захоронений, нет греческой письменности, нет ни греческих культов, ни архитектуры»¹⁰³); 3) идея стабильного притока северосирийского материала в греческие земли в VIII в. до н.э. через Аль-Мину находит свое логическое подтверждение. В настоящее время нет оснований считать, что Аль-Мина была лишь торговым центром, в котором товары, произведенные где-либо в хинтерланде, обменивались на привозимые греками. Вполне вероятно, что здесь существовали местные мастерские, где изготавливались различные виды изделий, которые привлекали греков. Основание поселения с довольно постоянным присутствием греческих торговцев должно было привлечь как торговцев, так и ремесленников из различных маленьких государств Северной Сирии, особенно, если принять во внимание ассирийскую агрессию и завоевание северосирийских государств во второй половине VIII в. до н.э.¹⁰⁴ Аль-Мина первоначально входила в новохеттское государство Па(т)тин, известное ассирийцам под названием Унки¹⁰⁵. В эпоху раннего железного века Сирия являлась важным центром бронзолитейного дела, также известным производством украшений из золота и серебра¹⁰⁶. Раскопки только одного Сам'аля дали значительное количество литейных форм, датируемых IX–VIII вв. до н.э.¹⁰⁷ Имея в виду довольно постоянное присутствие здесь греческих торговцев, можно предположить, что местные ремесленники не только продавали законченные продукты своего ремесла, но и выполняли заказы греческих клиентов. Я не уверен, что находка весовой гири аттического стандарта в Питекуссах и интерпретация в

⁹⁹ Berard C. Eretria. Fouilles et recherches. V. III. L'Heroon à la Porte de l'ouest. Berne, 1970. P. 36–45; Higgins. Op. cit. P. 104 f.; Themelis. Op. cit. P. 162.

¹⁰⁰ Themelis. Op. cit. P. 162 f. Fig. 14.

¹⁰¹ The Greek Renaissance, дискуссия. С. 165.

¹⁰² Ridgway. Op. cit. P. 25.

¹⁰³ Graham A.J. The Colonial Expansion of Greece // CAH. V. III. Pt. 3. 1982. P. 97.

¹⁰⁴ См. Smiths. Op. cit. P. 92–94, 99 f.; Dawkins J.D. The Neo-Hittite States in Syria and Anatolia // CAH. V. III. Pt. 1. 1982. P. 409 ff.; s.v. Sam'al // Lexikon der Alten Welt. Bd III. Zürich – München, 1990. Sp. 2694; Grayson A.K. Assyria: Tiglath-Pileser III to Sargon II (744–705 B.C.) // CAH. V. III. Pt. 2. 1991. P. 75 f., 86 f.

¹⁰⁵ Kessler K. Die Anzahl der assyrischen Provinzen des Jahres 738 v. Chr. // Welt des Orients. 1975. Bd 8. S. 59 ff.; Braun T.F.R.G. The Greeks in the Near East // CAH. V. III. Pt. 3. 1982. P. 11 f.

¹⁰⁶ См. Winter. North Syria... P. 200 f.

¹⁰⁷ Luschan von. Op. cit. S. 23–25. Abb. 16; Taf. 8–9; Wartke. Op. cit. S. 235–239. № 19–26.

рамках эвбейского стандарта слитков из клада ювелира в Эретрии весом в 5,7 и 112 г действительно дает А. Джонсону основание для заключения: «Мастер был независим от его покупателей. Если бы у него были клиенты, не было бы очевидных причин, объясняющих производство ювелирных украшений в соответствии с каким-либо стандартом»¹⁰⁸. Вряд ли можно экстраполировать более позднее свидетельство¹⁰⁹, однако заманчиво упомянуть открытие складских помещений с товарами, ожидающими перегрузки, и мастерских¹¹⁰. В слое конца V – начала IV в. до н.э. в доме Е было раскопано помещение 2, в котором предположительно находилась мастерская ювелира, так как в ней были найдены небольшие слитки серебра и разнообразные ювелирные изделия, включая превосходное ожерелье из золота и серебра¹¹¹.

Было бы чрезвычайно важно проследить пути распространения ювелирных изделий этой мастерской. Однако, с одной стороны, параллели сюжетов на формах из Аль-Мань и Сам'аля, а с другой, отсутствие археологических свидетельств, прежде всего изделий, которые могли быть отлиты в рассматриваемой форме (под вескалунница из Камира весьма близка, но не идентична подвеске, которая могла быть отлита в форме из Аль-Мины!), делают эту надежду весьма призрачной.

Я уже останавливался на точке зрения многих ученых о том, что эвбейские торговцы посещали Аль-Мину, чтобы расширить свою торговлю за счет металлов, привозимых на побережье из богатых месторождений континента. В то же время, К. Бакхейзен выдвинул гипотезу о том, что халкидцы прибыли как квалифицированные ремесленники в технологически менее развитые регионы, возможно, даже привозя с собой железо в Питекуссы¹¹². Дж. Бордман развил эту идею, предполагая экспорт железа в Аль-Мину¹¹³. Г. Бухнер предположил, что большинство золотых украшений из этрусских некрополей было изготовлено в Питекуссах¹¹⁴. Однако точка зрения Бухнера была подвергнута критике И. Стрём. Она пришла к выводу о том, что рассматриваемые изделия из золота были изготовлены в первой четверти VII в. до н.э. в куманской мастерской, в которой были заняты один или несколько ремесленников из Тарквиний. Странствующие ремесленники использовали традиционно южноэтрусскую технику в рельефах греческой формы, расширив свой декоративный репертуар за счет ближневосточных мотивов (торевтика Южной Этрурии испытала различные влияния Ближнего Востока, в том числе Северной Сирии и Финикии)¹¹⁵. Таким образом, идея о странствующих эвбейских кузнецах и ювелирах не подтверждается конкретным материалом. Кажется, что анализ формы из Аль-Мины отнюдь не приводит к выводу об активной роли греческих ремесленников-металлистов в торговых поселениях и колониях. Д. Риджвей отмечал следующее, имея в виду ситуацию в IX в. до н.э.: «Мы должны помнить, что восточные народы, с которыми повстречались эвбейцы, достигли более высокого, чем в Греции, уровня развития... Навигация и металлургия – лишь два примера областей, в которых достижения обитателей Кипра и Востока значительно превосходили успехи приезжих греков»¹¹⁶. Анализы греческих и ориентализирующих бронз IX–VIII вв. до н.э. подтверждают, что с сере-

¹⁰⁸ The Greek Renaissance, дискуссия. С. 165.

¹⁰⁹ Cp. Winter, North Syria... P. 211.

¹¹⁰ К. Вуллс определенно относит существование складских помещений к слою III, т.е. 430–375 гг. до н.э. (Excavations... I. P. 24), таким образом, нет оснований констатировать, как это делает Т. Браун (Op. cit. P. 10), что «примерно с 700 г. до н.э. поселение состояло из складских помещений».

¹¹¹ Wooley, Excavations... I. P. 13, 24 f. Fig. 9.

¹¹² Bakhuizen S.C. Chalcis-in -Euboea, Iron and Chalcidians Abroad. Leiden, 1976. P. 65–67.

¹¹³ Boardman. Al Mina and History. P. 185 f.

¹¹⁴ Buchner G. Early Orientalizing: Aspects of the Euboean Connections // Italy before the Romans. The Iron Age. Orientalizing and Roman Periods / Ed. D. Ridgway. L., 1979. P. 129–144; *idem*. Die Beziehungen zwischen der euböischen Kolonie Pithekoussai auf der Insel Ischia und dem Nordwestsemitischen Mittelmeerraum in der zweiten Hälfte des 8. Jhs. v. Chr. // Phönizier im Westen... S. 277–298.

¹¹⁵ Ström I. Relations between Etruria and Campania around 700 B.C. // Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology. Oxf., 1990. P. 87–97.

¹¹⁶ Ridgway. Op. cit. P. 25.

дины VIII в. до н.э. концентрации олова в сплавах значительно выросли, давая основание для гипотезы, что олово поставлялось с Ближнего Востока¹¹⁷. При этом предполагается, что «очевидно, греческие бронзолитейщики проходили подготовку в Северной Сирии или в Урарту. Эти технологические контакты подкрепляют новыми аргументами гипотезу, основанную на других данных об учреждении восточных бронзолитейных мастерских в Греции»¹¹⁸. Напротив, находка из Аль-Мины не исключает возможности того, что греческие ремесленники-металлисты ознакомились с ближневосточной техникой металлообработки в таком месте, как Аль-Мина. Это предположение хорошо сочетается с выводами, к которым пришел Ч. Марек: сочетание данных археологии, лингвистики и истории делает более вероятным предположение о том, что греки получили алфавит от арамейцев в Северной Сирии и первоначальный греческий алфавит распространился из Эвбеи по остальному греческому миру¹¹⁹.

Имеются определенные основания предполагать, что сфера активности сирийских торевтов и бронзолитейщиков не ограничивалась Аль-Миной и некоторые реминисценции могут быть прослежены даже столетие спустя. Примерно такой хронологический диапазон разделяет литейные формы из Аль-Мины и Милета. Литейная форма из Милета (рис. 5–6), которая была датирована издателем первой четвертью VI в. до н.э. по аналогии с материалами из основания храма Артемиды в Эфесе¹²⁰, использовалась для отливки медальонов с центральным элементом в виде горгонеяна, лодчовидных серег, наверший булавок и фибул фригийского типа. Горгонеяна, как уже отмечалось, принадлежит к ионийскому типу¹²¹. К этому же типу относятся и лодчовидные серьги, которые были известны на Ближнем Востоке по крайней мере со второй половины III тыс. до н.э.¹²² Согласно К.Р. Максвелл-Хислоп, распределение этих серег иллюстрирует продолжительность месопотамского влияния на различные центры ювелирного дела Леванта, поэтому «богатство ювелирных украшений, найденных в таких центрах как Родос или Крит или на территории материковой Греции, может теперь рассматриваться как дальнейшее развитие традиции, непрерывно продолжавшейся на Азиатском материке начиная с Раннединастического периода»¹²³. Р. Хиггинс отмечал, что этот тип серег уже использовался в

¹¹⁷ Filippakis S., Photou E., Rolley Cl., Varoufakis G. Bronzes grecs et orientaux: influences et apprentissages // BCH. 1983. 107. P. 111–132; Magou E., Philippakis S., Rolley Cl. Trépieds géométriques de bronze // BCH. 1986. 110. P. 121–136.

¹¹⁸ Filippakis, Photou, Rolley, Varoufakis. Op. cit. P. 130.

¹¹⁹ Marek Ch. Euboia und die Entstehung der Alphabetschrift bei den Griechen // Klio. 1993. 75. S. 27–44.

¹²⁰ В 1950-х годах после работ П. Якобсталя и Е. Робинсона, которые пришли к выводу, что самые поздние предметы из основания датируются ок. 600 г. до н.э., считалось, что храм А был построен в это время или несколько позднее (Jacobsthal P. The Date of the Ephesian Foundation Deposit // JHS. 1951. 71. P. 85–95; Robinson E.S.G. The Coins from the Ephesian Artemision Reconsidered // JHS. 1951. 71. P. 156–167). Позднее эта датировка была оспорена Л. Вайдауэром (Weidauer L. Probleme der frühen Elektronprägung (Typus 1). Fribourg, 1975), а вслед за ним и Д. Кереном (Kagan D. The Dates of the Earliest Coins // AJA. 1982. 86. P. 343–360). Мнения участников коллоквиума в Британском музее разделились, хотя среди археологов предпочтение отдавалось более высокой датировке (The Archaic Temple of Artemis at Ephesus / Ed. M. Price). Оспаривалась точка зрения, что в основании храма нет вещей позднее середины VII в. до н.э. В основании другого культового сооружения в Эфесе, был найден еще один комплекс предметов из золота и слоновой кости, датирующийся концом VII – началом VI в. до н.э. Так называемый комплекс А, в котором были найдены древнейшие электровые монеты, предполагается рассматривать не в качестве самостоятельного комплекса, а в связи с комплексом из основания Б (см. Bammer A. Gold und Elfenbein von einer neuen Kultbasis in Ephesos // OJh. 1988. Jg. 58. S. 1–23; idem. Les sanctuaires des VIII et VII siècles à l'Artemision d'Ephèse // RevArch. 1991. Fasc. 1. P. 83). Есть и другие аргументы в пользу более поздней датировки (см. Simon C.G. The Archaic Votive Offerings and Cults of Ionia. Berkeley, 1986. P. 28–31).

¹²¹ Tolle. Op. cit. S. 93; Reinholdt. Op. cit. S. 228. Anm. 60.

¹²² См., например: Sargnon. Op. cit. P. 59. Fig. 54–55; Musche. Op. cit. S. 103. Taf. XXXIII, тип 3; S. 116. Taf. XL, тип 4; S. 136. Taf. XLVII, тип 2; S. 158 f. Taf. LVI, тип 2; S. 173. Taf. LX, тип 2; S. 179 f. Taf. LXII, типы 1–2.

¹²³ Maxwell-Hyslop K.R. The Ur Jewellery // Iraq. 1960. 22. P. 112 f.

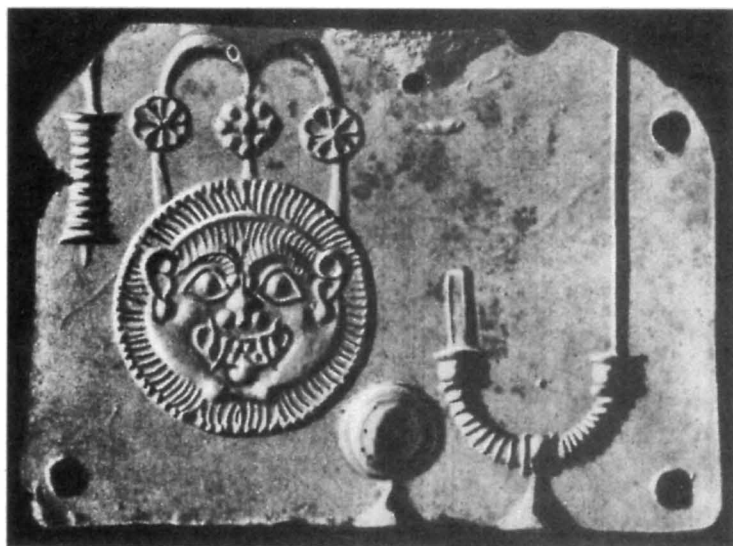

Рис. 5. Литейная форма из Милета. Частное собрание, Мюнстер. Фото Р. Толле-Кастенбайн

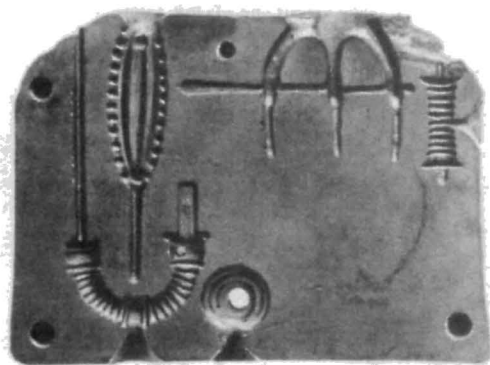

Рис. 6. Литейная форма из Милета. Античное Собрание, Государственные музеи Берлина. Инв. № Милет 46. Фото Античного собрания государственных музеев Берлина

Ионии в VII в. до н.э. и стал одним из основных в рассматриваемое время¹²⁴. В связи с находками таких серег в Эфесе К.Р. Максвелл-Хислоп отмечала, что соотношение этого материала с ювелирными украшениями Ашшура заслуживает специального исследования¹²⁵. Элементы булавок, отлитых в милетской форме, находят параллели в Эфесе и Перахоре¹²⁶. В то же время фибулы, изготавливавшиеся в этой форме, принадлежат к категории фригийско-анатолийских. К. Райнхольдт относит их к типу H1 по классификации Е. Канера¹²⁷. В действительности орнаментация фибул типа H1 включает биконические бусы в центральной части спинки и на концах, однако спинка фибул типа H1 никогда не имеет такой профилировки, как на форме из Милета, она – гладкая¹²⁸. Фибула же, отлитая в милетской форме, находит прямые параллели среди

¹²⁴ Higgins. Op. cit. P. 125.

¹²⁵ Maxwell-Hyslop. The Ur Jewellery. P. 111.

¹²⁶ См. Tolle. Op. cit. S. 92 f.; Reinholdt. Op. cit. S. 228 f. Anm. 61–62.

¹²⁷ Reinholdt. Op. cit. S. 229. Anm. 63.

¹²⁸ См. Caner. Op. cit. S. 113. Taf. 44–46.

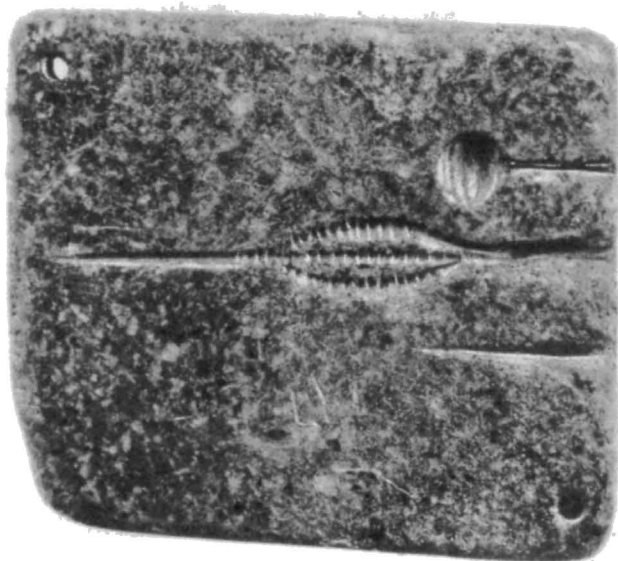

Рис. 7. Литейная форма из Ашшура. Переднеазиатский Музей, Государственные музеи Берлина. Инв. № VA 5870. Фото Музея

Рис. 8. Литейная форма из Ашшура. Переднеазиатский Музей, Государственные музеи Берлина. Инв. № VA 8320. Фото Музея

фибул варианта № II, 2 по классификации Е. Канера¹²⁹. Фибулы этого варианта были найдены только в Гордионе и Эфесе¹³⁰. Одна из эфесских фибул отлита из электра, другая – бронзовая. Фибулы варианта № II, 2 хорошо датируются VII в. до н.э.¹³¹ Судя по приемнику, фибулы, отливавшиеся в милетской форме, сильно отличаются от фригийских и ближневосточных; такой приемник находит аналогии в изделиях, обозначенных Е. Канером, как «нефригийские или подражания»¹³². Таким образом, облик фибул, отливавшихся в милетской форме, скорее говорит о том, что это было

¹²⁹ Ibid. S. 162 f. № 1117–1131. Taf. 62.

¹³⁰ Ibid. № 1125, 1131.

¹³¹ Ibid. S. 163.

¹³² Ibid. S. 112. Abb. 3.

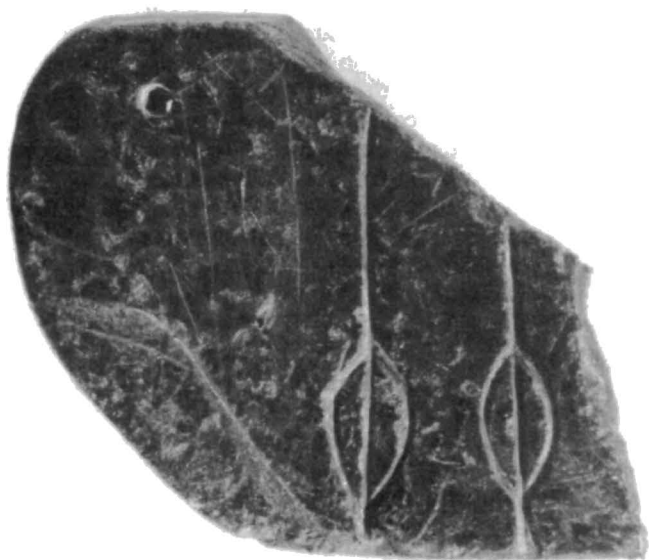

Рис. 9. Литейная форма из Зинджирли. Переднеазиатский Музей, Государственные музеи Берлина.
Инв. № S 2925. Фото Музея

воспроизведение анатолийского типа украшения, выполненное местным греческим мастером. Еще одна деталь этой формы заслуживает внимания – характер углубления для отливки лодочковидных серег. Она отличается от обычного типа форм, в которых мастер получал законченное изделие, например, форм из Сард: здесь были найдены два таких образца, определяемые как лидийские VI в. до н.э.¹³³ Милетская же форма позволяла получить полуфабрикат в виде «весла» или «наконечника копья», при этом обе плоскости, симметричные длинной оси, должны были быть свернуты и спаяны в процессе изготовления серьги. Подобным же образом лодочковидные серьги изготавливались на Ближнем Востоке. Особенно близкие параллели рассматриваемому мотиву на литейной форме из Милета представляют формы из Ашшура (рис. 7)¹³⁴ и Рас-Шамры¹³⁵. В указанных формах подобный представленному на милетской форме характер обработки края серег использовался для создания эффекта грануляции. Р.Б. Вартке, видимо, не разобрался в значении углубления на форме из Ашшура, предполагая, что отливался предмет типа иглы. Браслет, который отливался в той же форме, находит параллель среди находок из Вавилона Новоавилонского периода¹³⁶. Что же касается формы из Рас-Шамры, то в ней отливалось несколько украшений, включая серьги с короткими гроздьями шелковицы. Еще две формы, в которых подобным же образом изготавливались полуфабрикаты лодочковидных серег, не украшенных псевдозернью, были найдены в Ашшуре (датируется Новоассирийским периодом) (рис. 8)¹³⁷ и Сам'але (рис. 9) (в раскопках перед дворцом Баррекаба; датируется серединой VIII–началом VII в. до н.э.¹³⁸). Таким образом, мотивы, представленные на литейной форме из Милета, свидетельствуют о различных культурных

¹³³ Waldbaum. Op. cit. P. 142 f. № 950–951. Pl. 54; Ramage N.H. The Arts at Sardis // Sardis: Twenty Seven Years of Discovery / Ed. E. Guralnick. Chicago, 1987. P. 29. Fig. 20.

¹³⁴ Wartke. Op. cit. S. 229. № 5. Abb. 7.

¹³⁵ Courtois. Op. cit. P. 292 f. Fig. 4.

¹³⁶ Wartke. Op. cit. S. 254. Anm. 178.

¹³⁷ Jakob-Rost L. Zum Ohrschmuck der Assyrier // FuB. 1962. 5. S. 38 f. № 16. Abb. 17; Wartke. Op. cit. S. 250, 252. № 8. Abb. 10.

¹³⁸ Luschan von. Op. cit. S. 23. Taf. 8e; Wartke. Op. cit. S. 237. № 21. Abb. 23.

истоках. Что касается техники изготовления лодчовидных серег, можно предположить новоассирийскую или северосирийскую традицию металлообработки – форма из Милета свидетельствует не просто о заимствовании данного типа серег – характерная техника изготовления говорит о том, что мастер милетской формы по крайней мере видел новоассирийские или северосирийские литейные формы¹³⁹. Это предположение подтверждается еще одним наблюдением: на торце створки формы, хранящейся в Мюнстере, имеется прочерченный значок. Очень похожее изображение мы встречаем, например, на каменном амулете из Зинджирли¹⁴⁰. Было бы заманчиво связать это предположение с гипотезой о том, не являются ли хеттские названия «Милавата»/«Миллаванда» тождественными Милету или Милату табличек из Пилоса, с гипотезой, до сих пор не имеющей удовлетворительного объяснения. Анализируя находки эпохи поздней бронзы из Милета, К.Б. Гедекен пришел к заключению, что «это было хорошо развитое нехеттское общество с сильными эгейскими традициями... город-государство, управляемое одной из ведущих семей...». В то же время из хеттских источников известно, что Милет представлял собой независимого и неподконтрольного союзника царя Хатти и царя Аххиявы и был связан с ними мирными договорами¹⁴¹.

Рассмотренная выше форма из Аль-Мины свидетельствует о сосуществовании северосирийских ремесленников-металлистов с греческими торговцами в одном из самых ранних греческих торговых поселений в Восточном Средиземноморье. Находка литейной формы в VIII слое хорошо коррелирует с распределением керамики. Так, сиро-палестинская керамика, которая встречается в слое VIII и выше, абсолютно неизвестна под полами помещений слоя VIII. Примечателен и тот факт, что эта керамика, главным образом так называемая краснолощенная (Red Slip), продолжает изготавливаться на месте вплоть до V слоя. Чрезвычайно важен и тот факт, что слой VIII – это древнейший стратиграфический горизонт, в котором представлены все три керамических комплекса, известных в Аль-Мине: кипрский, греческий и сиро-палестинский¹⁴². Предполагалось даже, что в этот период кипрский и сирийский этнические элементы превалировали над греческим¹⁴³. Если принять гипотезу Дж. Колдстрима о смешанных браках, объясняющую адаптацию восточных стилей и техник к местным греческим вкусам и традициям¹⁴⁴, то отмеченная выше гетерогенность мотивов на архаической форме из Милета находит вероятное объяснение: восточный, возможно, северосирийский тореут, был одним из предков милетского мастера. Косвенным свидетельством в пользу этого предположения являются так называемые «греко-восточные» свинцовые медальоны. Некоторые из них, судя по их иконографии, можно атрибутировать как работу северосирийского мастера в Греции, тогда как другие имеют очевидные прототипы в северосирийской-хеттской культурной среде, хотя трактовка определенных мотивов у них чисто греческая. Последние образцы датируются концом VII – началом VI в. до н.э.¹⁴⁵

М.Ю. Трейстер

¹³⁹ См. находки анатолийских фибул в Зинджирли: *Luschan von. Op. cit. Taf. 43; Caner. Op. cit. S. 166, 178, 181 f., 203.*

¹⁴⁰ *Luschan von. Op. cit. S. 27. Taf. 10d.*

¹⁴¹ См. *Bryce T.R. A Reinterpretation of the Milawata Letter in the Light of the New Join Piece // AnatSt. 1985. 35. P. 13–24; Godecken K.B. A Contribution to the Early History of Miletus. The Settlement in Mycenaean Times and its Connections Overseas // Problems in Greek Prehistory. Papers Presented at the Centenary Conference of the British School of Archaeology at Athens, Manchester, April 1986. Bristol, 1988. P. 314 f.*

¹⁴² *Gjerstad. Op. cit. P. 117, 121.*

¹⁴³ *Согомонов. Ук. соч. С. 14.*

¹⁴⁴ См. *Coldstream. Mixed Marriages... P. 97–100.*

¹⁴⁵ *Brehm O. Griechisch-orientalische Bleimedallions // Moysikos Anhp. Festschrift fur Max Wegner zum 90. Geburtstag / Hrsg. von O. Brehm, S. Klie. Bonn, 1992. S. 68 ff.*

(Apropos of Moulds from Al Mina and Miletus)

M.Yu. Treister

This is the first publication of a jewelry mould found in Layer VIII of Al Mina excavations in 1937 and kept in Oxford. The mould was probably manufactured in the 2nd half of the 8th – early 7th c. B.C. Its brightest parallel is to be seen in a well-preserved mould half found at the Lower Palace excavations in Hilani III (Sendschirli) and dated back to 7th c B.C., according to the archaeological context.

The mould from Al Mina enables the author to assume that soon after the foundation of the settlement a jeweller from North Syria (possibly coming from Sam'al) worked here.

Analysing the historical context and the archaeological materials connected with Euboean jewelry, the author comes to the following conclusions.

1. Greek and Syrian population coexisted in Al Mina, the Greek part being represented chiefly by tradesmen, while the settlement's infrastructure was of local type and the craftsmen working there natives.

2. The early settlement of Al Mina cannot therefore be considered a colony.

3. The point of view that North Syrian things were transferred in the 8th c. B.C. to Greece through Al Mina seems justified. For the time being, there are no reasons to believe that Al Mina was just a trading centre where things produced in hinterland could be exchanged for those brought by Greeks. It is quite probable that local workshops existed there, producing various articles attractive for the Greeks. The foundation of a settlement frequented by Greek tradesmen was very likely to attract both tradesmen and craftsmen from the small states of North Syria, especially if we take into consideration the Assyrian aggression and conquest of Neo-Hittite North Syrian states in the 2nd half of the 8th c. B.C.

Analysing various hypotheses considering the ways of adopting Near Eastern metal-working techniques by Greeks, the author infers that the find from Al Mina does not exclude the possibility that Greeks came to know the Near Eastern metal-working techniques in a place like Al Mina.

Layer VIII is the most ancient stratigraphical horizon where all of the three pottery complexes are represented: Cyprian, Greek and Syro-Palestinian. It was even supposed that in this period the Cyprian and Syrian ethnic elements were prevailing over the Greek one. If we accept J. Coldstream's hypothesis of mixed marriages accounting for the adaptations of oriental styles and techniques to local Greek tastes and traditions, the heterogeneity of motifs on the mould from Miletus (late 7th – early 6th c. B.C.), analysed further in the article, seems to find an adequate explanation: the oriental (perhaps North Syrian) toreutes could have been a Milesian artisan's ancestor.

© 1999 г.

АФИНСКИЙ МАСТЕР КСЕНОФАНТ

Имя афинского мастера Ксенофанта, работавшего в первой четверти IV в. до н.э., сохранилось на двух лекифах, украшенных рельефами и краснофигурной росписью. Оба сосуда найдены в прошлом веке в погребениях Пантикалея¹. Всего лишь два уцелевших произведения Ксенофанта способны немало поведать об их авторе, о тех, для кого он работал, и о культурной среде того времени.

Вазы Ксенофанта принадлежат к числу выдающихся произведений древнегреческой керамики. Они сделаны в 80-е годы IV в. до н.э. Большой лекиф со сложной мно-

¹ Древности Босфора Киммерийского. СПб., 1854. Табл. 45, 46; Стефани Л. Описание нескольких древностей, найденных в 1863 г. в Южной России // ОАК. 1864. С. 71–80; Толстой И.И., Кондакова Н.П. Русские древности в памятниках искусства. Вып. I. СПб., 1889. С. 76–78; Передольская А.А. Вазы Ксенофанта // Труды отдела античного мира Гос. Эрмитажа. Вып. I. Л., 1945. С. 47–67. В настоящее время оба лекифа находятся в собрании Эрмитажа.